

Илья Гурьянов

Медико-антропологические представления
Никифора Григоры в свете его натурфилософии
и морально-богословских посланий*

ILYA GURYANOV

GREGORAS' MEDICAL ANTHROPOLOGY IN THE LIGHT
OF HIS NATURAL PHILOSOPHY AND MORAL-THEOLOGICAL EPISTLES

АБСТРАКТ. The 14th-century Byzantine polymath and theologian Nikephoros Gregoras is known for his interest in natural philosophy as well as his outstanding knowledge of astronomy. It remains debatable, however, whether or not he and his mentor Theodoros Metochites approved of divination astrology, which was incompatible with the Christian notion of human free will. It is known that Gregoras was able to calculate solar and lunar eclipses rather accurately. In his *Historia Rhomaike*, he states that they are an omen of noteworthy events, such as the death of Emperor Andronicus II and the devastating invasion of the "Scythians". I argue that these statements must be understood in the context of the Peripatetic natural philosophy, well known to both Gregoras and Metochites. Also, I suggest that Gregoras was quite knowledgeable in the theoretical medicine of his time and, probably, was familiar with the medical epistemology of Galen. The consistency of Gregoras' discourse in different works is discussed separately since I claim the genre's influence on his selection of relevant authors and ideas. In the appendix, there is a commented Russian translation of Gregoras' epistle to Joseph Rhakendytès. It is a remarkable example of 14th-century Byzantine philosophical prose, arguing for the Aristotelian approach to science.

KEYWORDS: Nikephoros Gregoras, Theodoros Metochites, Joseph Rhakendytès, calculation of eclipses, Byzantine natural philosophy.

Всесторонняя реконструкция натурфилософских взглядов Никифора Григоры (род. 1290/1291 или 1293/1294, ум. между 1358

© И.Г. Гурьянов (Москва). ilgur@yandex.ru. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 17.2 (2022)

DOI: 10.25985/PI.17.2.06

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44214.

и 1361)¹ наталкивается на ряд проблем: сложности с определением релевантного контекста высказываний, неконсистентность между общеметодологическими или эпистемологическими суждениями и конкретными учениями, наконец, полярность оценок этого аспекта наследия византийского ученого его современниками и исследователями. Кроме того, в той мере, в какой православная традиция как предмет историко-филологического изучения живет и осмысляет себя внутри опыта церковной жизни, рассмотрение его интеллектуальной биографии в любом отдельно взятом аспекте никогда не сможет «вынести за скобки» анафематствование Григоры за оскорбления Григория Паламы — канонизированного православной Церковью монаха и богослова. Это событие последнего десятилетия жизни Григоры бросает тень не только на его ранние ученые занятия — на первый взгляд, весьма далекие и от проблематики паламитских споров, и от богословских жанров в целом, — но и на тот интеллектуальный круг, в котором он сформировался, а также на ведущие к нему линии исторической преемственности.

Можно ли методами интеллектуальной истории показать, что существует взаимосвязь между широко понимаемыми практиками византийского гуманизма — весьма способствовавшими развитию наук о природе в рассматриваемый период — и антипаламитской позицией по вопросам веры, то есть ересью? Если это так, то наследие многих византийских ученых оказывается под двойным подозрением: то ли они были ради собственного благополучия «скрытыми» еретиками, то ли оказались попросту недостаточно интеллектуально «смелыми», чтобы перенести полученные ими «научные» выводы на сферы церковной жизни (и начать эпоху Просвещения на несколько веков раньше). На мой взгляд, путь к решению этой апории лежит через демонстрацию анахронистического характера для исследований Византии «просветительски-модернистского» представления о внут-

¹ Классическими исследованиями о датах жизни византийского мыслителя остаются Вeyer 1978 и Grecu 1946.

ренной (ментальной) жизни и в частности о том, что различные интеллектуальные и познавательные активности человека должны неизменно стремиться к консистентным результатам, исключать противоречие. Ведь выработанный для решения одного круга задач дискурсивный инструментарий может быть «нелегитимным» образом перенесен — как правило, под действием каких-то внешних обстоятельств — в чужеродную для него область, тем самым создавая и реальные, и видимые противоречия. Сформулирую в качестве гипотезы: в антипаламитской позиции Григоры была и прагматика статусно-политической борьбы, и нечувствительность к чужеродности доступного ему интеллектуально-инструментарий для тех споров, в которые он ввязался. Однако личное жизненное фиаско Григоры, начавшееся с его вовлечения в паламитские споры в 1346 г., само по себе этот инструментарий не обесценивает. А комплиментарные оценки познаний византийского ученого в сфере природы — современниками и исследователями — косвенным образом подтверждают значимость реконструкции его медико-антропологических представлений во всей их сложности и недосказанности.

Наибольшее признание Григора получил как знаток астрономии, причем равно сведущий как в теоретических, так и в практических² аспектах дисциплины: он предлагал реформу календаря на основании астрономически обоснованного пересмотра пасхалии, написал трактат о конструировании и использовании астрольбии, занимался эмендацией и комментированием «Гармони-

² О том, в каком объеме следует говорить о практических аспектах астрономических познаний Григоры, исследователями ведутся споры. Ведь астрономия и в античном мире, и в Византии была преимущественно теоретической дисциплиной. И если факт осуществления Григорой наблюдений и математических расчетов астрономических процессов (качество которых высоко оценивалось современниками) не вызывает сомнений, то можно ли было с помощью его трактата собрать рабочую астрольбию — это вопрос дискуссионный, см. Jarry 2011. О маргиналии Григоры в кодексе *Vat. gr. 165, f. 159v*, свидетельствующей об использовании им самой астрольбии для коррекции даты весеннего равноденствия, см. Ševčenko 1962: 117, п. 2.

ки» Птолемея³. Обобщая имеющиеся исследования, Дивна Манолова насчитывает в работах Григоры («Посланиях» и «Истории ромеев») 11 свидетельств о рассчитанных им полных и частичных затмениях: 6 лунных и 5 солнечных⁴. Вероятно, достаточных астрономических познаний для этих расчетов он достиг только после 1324 г., поэтому первый засвидетельствованный в эпистолярном наследии Григоры прогноз относится к солнечному затмению 16 июля 1330 г. с максимальной фазой 0.997 (то есть почти полное)⁵. Однако из всех рассмотренных свидетельств наи-

³ О вкладе Григоры в знание о небесной сфере см. обзорные статьи Theodosiou, Manimanis, Dimitrijević 2006, Caudano 2020, Acerbi 2020: 139–143 (где, в частности, показано, что часть 14-й, 15-я и 16-я главы, добавленные Григорой к книге III «Гармоники» Птолемея являются результатом критико-филологической работы, а не произвола), а также диссертацию Manolova 2014. Следует с осторожностью отнестись к работе Manolova 2017, которая является публикацией по результатам конференции 2014 г.: она воспроизводит многие частные положения упомянутой диссертации, однако в целом построена на предпочтении Bezdechí 1924 более новым и качественным критическим изданиям «Посланий» Григоры Guiland 1927 и Leone 1982. Последние обосновывают, что послание 20, по нумерации Bezdechí 1924: 330–336, является ошибочной компиляцией (см. Guiland 1927: xiii–xiv, Leone 1976: 22–23). Возражения им см. Manolova 2014: 70–81. В настоящей статье «Послания» приводятся по Guiland 1927, с указанием номера письма, страниц (и строк) в этом издании, а также номера письма по Leone 1982.

⁴ Manolova 2017: 146–148. На широте Константинополя в первой половине XIV в. можно было наблюдать необычно большое число солнечных затмений. По оценкам Дивны Маноловой, за время пребывания там Григоры случилось приблизительно 79 солнечных и лунных затмений, 21 из которых было полным. По мнению исследовательницы, не существует убедительных объяснений, почему Григора не оставил свидетельств или расчетов хотя бы для всех полных затмений. Мы же обратим внимание на его послание Иоанну Хрисолору, написанное в августе 1330 г., в котором он ссылается на некие приказания императора (ἐντολάς Βασιλέως; очевидно, речь об Андронике III Палеологе), запрещающие распространять сведения о рассчитанных им затмениях, см. *Ep.* 33, 141.35–37. Контекстом этого упоминания служит нежелание Григоры профанировать известную ему «науку о небесных явлениях» (ἐπιστήμη περὶ τῶν οὐρανίων παθημάτων): одни пустословы (λῆροι) делают из нее таинства (μυστήρια), другие же используют для вздорных политических прорицаний.

⁵ Tihon 2006: 283, 288 высказывает предположение, что именно Григора сделал такого рода упражнения в прогнозировании затмений «модными», что

большой интерес для нас представляет рассказ в «Истории ромеев» о смерти императора Андроника II Палеолога, которое наряду с прочими природными явлениями предзнаменовалось частичным солнечным затмением 30 ноября (с максимальной фазой 0.593) и последовавшим за ним частичным лунным затмением 15 декабря 1331 года:

Но пора уже нам сказать и о кончине старого императора, которую предвестили многие знамения от Бога (θεοσημεῖα), а именно следующие. Во-первых, затмение солнца, случившееся за столько дней до его кончины, сколько и он всего прожил лет. За этим солнечным затмением (ἑλισκότησις) последовало затмение лунное (ἔκλειψις); а сразу за ним — землетрясение <...> А в самый день двенадцатого февраля, за которым имел последовать вечер его неожиданной кончины, подул шквальный ветер⁶ из гиблых мест юга, и на море поднялись волны, столь сильные, что, выступив из своих границ, разбили во многих местах восточные стены Византия...⁷

В исследовательской литературе уже отмечалось в общих чертах, что представление о причинном воздействии небесных явлений на природные процессы (в том числе и на человека в той мере, в какой он вовлечен в процессы возникновения и уничтожения) Григора вероятнее всего воспринял от своего наставника в вопросах астрономии Феодора Метохита (1270–1332)⁸. В «Первоосновах астрономической науки» последний пишет, что «круговращение Солнца, и Луны, и других звезд, а также их пере-

длилось вплоть до конца 40-х гг. XIV в. Однако он не был единственным византийским ученым, обладавшим нужными для этого навыками: так, например, солнечные затмения 14 мая 1333 и 3 марта 1337 гг. были рассчитаны Варлаамом Калабрийским (ок. 1290 – 1348).

⁶ В том же контексте следует рассматривать послание Григоры Георгию Пепагомену, написанное в августе 1329 г., где говорится, что солнечные затмения, связанные с конъюнкцией Марса и Сатурна, могут вызывать шквальный ветер, разрушение городов и вздымание гор (см. *Ep.* 19, 73–83). Последние два природных явления, вполне вероятно, отсылают к землетрясениям.

⁷ *Hist.* 9.14 (Schopen 1829: 460; здесь и далее пер. Р.В. Яшунского).

⁸ Tihon 2006: 283, Paschos, Simelidis 2017: 4–5.

мещения, взаимные отношения (ἀλλήλους λόγους) и расположения имеют великую силу (δύναμιν) и являются управляющей причиной (ἡγεμονικὴν αἰτίαν) по отношению к вещам и существам (οὐσί), а также порожденной природе (γεννητῆ φύσει) <...> и это нисколько не вредит нашему христианскому вероучению (θεοσεβείας δόγματι)»⁹. Позицию Метохита, в свою очередь, в исследовательской литературе обычно связывают с рецепцией идей Птолемея, который, например, в «Четверокнижии» писал, что египтяне сумели всесторонне соединить медицину с предсказанием по звездам (ἀστρονομίας προγνώστικῶ), положив тем самым начало упорядоченным учениям (σύνταξεων), называемым ими иатроматематическими (ιατρομαθηματικῶν)¹⁰. Однако оценка исследователями характера этого влияния значительно отличается.

Анн Тион, например, отмечает, что Метохит не следует за Птолемеем в проведении различия между «универсальной» и «индивидуальной» астрологией¹¹. Согласно Великому Логофету¹², всё, что порождено природой, по божественной воле подчиняется естественному влиянию звезд (и в этом смысле можно говорить и о причине, как в приведенном выше фрагменте). Однако всё, что зависит от свободной воли (браки, профессии, войны, мирные договоры и т.д.), было бы нечестиво и абсурдно мыслить как подчиненное необходимости, в том числе и астральным управляющим причинам. Исследовательница сетует, что Метохит не привел достаточного количества примеров, чтобы разграничить два этих модуса существования в подлунном мире: например, подвержены ли астральному влиянию рождение и смерть обычных людей или правителей¹³. Эта недосказанность позволяет другим исследователям предполагать, что Метохит не был до конца от-

⁹ *Stoich.* 1.5.244–249 (Paschos, Simelidis 2017: 56; ср. Bydén 2003: 471).

¹⁰ *Tetr.* 1.3.356–368 (Hübner 1998: 21).

¹¹ Tihon 2006: 282.

¹² См. приложение к статье.

¹³ На ту же апорию пространней указывают Paschos, Simelidis 2017: 344–345. Однозначно подверженными астральным влияниям, согласно Метохиту, являются крупномасштабные процессы: приливы и отливы, а также рост и увядание

кровенен в изложении своих взглядов — желая ли «смягчить» отдельные суждения Птолемея для сохранения возможности заниматься другими аспектами его наследия¹⁴, или опасаясь обвинений в ереси¹⁵. Ниже я постараюсь — хотя бы отчасти — эту недосказанность прояснить, показав, как его ученик Григор в «Истории ромеев» вплетает в повествование о смерти Андроника II учение о влиянии звезд, оставаясь в пределах перипатетической эпистемологии и не вступая в противоречие с фундаментальным христианским антропологическим представлением о свободе воли.

В свете того, что иатроматематику определяют, прежде всего, как соединение астрологии и магии¹⁶ — тем самым делается акцент не на понимании причин событий, а на возможности манипулировать природным миром, — говорить о всецелом согласии Метохита и Птолемея представляется в самом деле чрезмерным. Но и объяснять позицию первого того или иного рода недоговоренностями вовсе не обязательно. Ведь известно, что Метохит активно работал с натурфилософскими сочинениями Аристотеля, и приведенное выше его рассуждение вполне согласуется с перипатетической традицией, рассмотренной как совокупность сочинений Стагирита и комментариев на него¹⁷. Отметим, что, какова бы ни была позиция самого Метохита по поводу возможности согласования учений Птолемея и Аристотеля — это требует дальнейшего изучения, — Григоря прямо выдвигает такую задачу в письме монаху-эрудиту Иосифу Ракендиту, известному так

живых существ под воздействием, прежде всего, тепла, излучаемого небесными телами.

¹⁴ Bydén 2003: 353.

¹⁵ Magdalino 2002: 45, n. 73

¹⁶ См. классическую работу Bouché-Leclercq 1899: 533, n. 1 (само определение формулируется на основании анализа трудов Тертуллиана и Плиния). Очерк о существенных чертах данного дискурса см. Papathanassiou 2020: 479–482.

¹⁷ Этот аспект натурфилософии Метохита всё еще мало изучен. Стимулировать соответствующие исследования должно анонсированное издание Мартина Борхерта *Der paraphrastische Kommentar des Theodoros Metochites zu Aristoteles' „De generatione et corruptione“: Textkritische Erstedition und deutsche Übersetzung* (Berlin: De Gruyter), см. Bydén 2022: 73.

же как Иосиф Философ (ок. 1280 – ок. 1330)¹⁸. Григора пишет, что ход звезд на небе и наука о том, что подвержено возникновению и уничтожению, — это предметы мысли и красноречия Метохита, которые он разъяснил и сделал «как бы некой пищей, которая без труда усваивается полностью» (οἷον τροφήν τινα ἄπλονον ἄπλαστ)¹⁹. Однако, чтобы завершить эту работу, согласно Григоре, следует изучить «Логикку» и «Метафизику» Аристотеля, что будто бы Метохитом сделано не было: сия задача и ставится перед адресатом послания. Место этих разделов знания в систематическом устройстве философии Стагирита, по нашему мнению, вполне прозрачно намекает, что именно перипатетическая эпистемология должна стать основой для синтеза более специальных астрономических учений Птолемея и Аристотеля.

Как отмечает Гад Фройденталь, для самого Аристотеля Солнце и Луна, по-видимому, были единственными небесными телами, оказывающими влияние на подлунный мир, однако же, начиная с Александра Афродисийского, происходит «астрологизация» Аристотелева понимания космоса²⁰. Согласно Стагириту, приливы и отливы, менструальные циклы, ветра, дожди, землетрясения и другие подобные природные явления имеют своей движущей причиной упорядоченные небесные обращения Солн-

¹⁸ См. приложение к настоящей статье. Об Иосифе Ракендите см. короткий обзор Bouras-Vallianatos 2020: 180–184, а также Gielen 2013. О достоинствах этого чрезвычайно влиятельного, но малоизученного византийского интеллектуала (которого называли врачом не менее часто, чем философом) говорит то, что ему четырежды предлагали взойти на константинопольский патриарший престол, но каждый раз получали отказ. Как следует из траурного энкомия, посвященного Метохитом Ракендиту, последний считал, что аскетическая жизнь монахов и изучение теологии недостаточны для достижения духовных высот и добродетельной жизни: их следует сочетать со светским образованием (θύραθεν παιδεία). В частности, следует заниматься изучением натурфилософии, поскольку природа является инструментом творения (ἔργων τεχνουργίας) и, следовательно, через ее постижение можно взойти до созерцания Творца.

¹⁹ *Ep.* 13 (22 Leone), 59.24.

²⁰ Freudenthal 2009. Хотя, разумеется, и у Аристотеля есть фрагменты, которые можно толковать в том смысле, что влияние оказывают не только Солнце и Луна, а вся небесная сфера в целом (ср., например, *Cael.* 1, 9.279a28–30).

ца и Луны, в частности тепло и холод, которые они производят²¹. Однако ко времени жизни Александра идея о том, что все небесные тела вовлечены в управление подлунным миром, была почти повсеместно принята как неопровержимая (так что исследователь полагает, что не столь важно, был ли он знаком в каком-то виде с написанными несколько ранее трудами Птолемея, где это тоже утверждается). В дальнейшем перипатетическая традиция развивалась по пути уточнения характера влияния разных планет и разработки для этого соответствующего понятийного аппарата. Так, например, Аверроэс в «Эпитоме *О возникновении и уничтожении* Аристотеля» напишет, что движение Солнца по эклиптике является основной действующей причиной для возникновения и уничтожения всех вещей; и хотя влияния также исходят от Луны и других планет, их характер и сила всё же зависят от того, насколько они приближены или удалены от Солнца²². Отметим, что Метохит в парафразе «Метеорологики» Аристотеля пользовался комментариями Александра Афродисийского, то есть был хорошо знаком с этим аспектом перипатетической традиции²³. И передал свое знание ученикам²⁴.

²¹ Большую роль в Аристотелевых объяснениях перечисленных явлений играет и пневма, на которую воздействует холод и тепло от небесных светил и которую он также называет движущей причиной (см., например, его объяснение землетрясений в *Mete.* 2, 8.367a21–368b24). Разница между толкуется так: в круговращениях небесной сферы, откуда происходит начало всякого движения, по Стагириту, следует полагать первопричину (πρώτη αίτία) подлунных природных процессов (*Mete.* 1, 2.339a21–24), а пневма является причиной ближайшей и непосредственной. Об особой роли кругового движения Солнца в процессах возникновения и уничтожения говорится, например, в *Arist. GC* 2.10–11.

²² Puig Montada 1992: 49.5–50.11.

²³ Telelis 2020: 200.

²⁴ См. в приложении, какое внимание Григора уделяет педагогической деятельности Метохита, описывая ее почти исключительно в терминах перипатетической эпистемологии: «он прошедшее, поскольку оно утекло, оставлял без внимания, но зато обнаруживал заботу, причем наивеличайшую, о том времени, которое наступит для ученых сочинений, чтобы к ним не было неправильного и ошибочного отношения. Поэтому он, восприняв как вызов своей мысли и своему красноречию иной раз движение небесных светил, а иной — логосы

Именно такой натурфилософский контекст придает рассказу Григоры о предзнаменованиях смерти Андроника II Палеолога нужный для автора смысл: они не имеют отношения к всевозможным видам прорицательной астрологии, которую византийский ученый критиковал в самых уничижительных выражениях²⁵. Кроме того, данный пример показывает, что астрономические занятия, прославившие Григору, не были для него чем-то строго изолированным от познания сферы природы в целом. Это позволяет более пристально взглянуть на антропологические представления Григоры в натурфилософском контексте. Так, например, продолжая рассказ в «Истории ромеев», он пишет, что в день своей смерти император после беседы с ним:

сел за поданный ему ужин. Все блюда были из положенных по уставу в эти постные дни черепокожих, которых нужно запивать неразбавленным вином, способным придать старому желудку тонус для переваривания этой грубой пищи. Вместо этого он напился холодной воды. Он имел привычку, когда чувствовал, что вены его становятся горячее обычного, пить без меры холодную воду, чтобы никогда не иметь нужды вскрывать вены [и пускать кровь]. Прибегнув и теперь к этому средству, он тотчас же почувствовал себя дурно: у него стало очень нехорошо с желудком и сердцем. Когда же он почувствовал, что и дыхательные его органы закупориваются и пережимаются (ἐμφραττομένων καὶ στενοχωρομένων)²⁶, то, видя, что сейчас же умрет <...> возблагодата-

подлежащего возникновению и уничтожению, разъяснял их наилучшим образом и делал их очевидными...» (*Ep.* 13 (22 Leone): 59.17–23).

²⁵ Например, в *Ep.* 33, 141.29–143.2 он пишет, что прорицатели-пустословы (которые к тому же присваивают его расчеты затмений) желают нелепой славы (παράλογου δόξης), которая подходит им, как пурпур обезьянам. О контексте данных оценок см. выше прим. 4.

²⁶ *Hist.* 9.14. Ср. у Аристотеля *Met.* 2, 8.366a30–31: «Во всех названных местах землетрясения происходят главным образом из-за тесноты (στενιότητα)»; *Met.* 2, 8.36b9–11: «тогда одновременно произошли наводнение и землетрясение, которые были тем сильнее, что море, загораживая [выходы] (ἀντιφράττειν), не давало загнанной под землю пневме вытечь [наружу]» (пер. Н.В. Брагинской). В 8-й главе «Метеорологии» Стагирит многократно проводит аналогии между пневмой в земле и воде, которая под действием тепла и холода может вызывать

рил Бога и начал молиться о спасении души своей с обильными слезами и многими коленопреклонениями.

Я полагаю, что в приведенном фрагменте отчетливо видно обращение Григоры к натурфилософскому дискурсу при описании единичного исторического события: смерти императора. Однако жанровая специфика «Истории ромеев», ее ориентация на античные историографические образцы и обращенность к широкой аудитории, не позволяет отчетливо разглядеть вплетенность научных идей в ее повествование²⁷. А, значит, и использовать данный труд как источник для реконструкции медико-антропологических представлений Григоры. Так, в приведенном фрагменте прослеживается последовательное вписывание астрономических событий (солнечного и лунного затмения) в логику естественной (медицинской) причинности, а не «злого рока», возвещенного звездами.

Углубляя медицинское прочтение данного эпизода, обратимся к Галеновской медицинской эпистемологии, хотя в самом тексте «Истории ромеев» вроде бы ничего не отсылает к этому великому античному врачу. Но пусть некоторым зыбким основанием для нас послужит чисто поэтическое сравнение, встречающееся у Григория Акиндина (ок. 1300–1348) в поэтическом энкомии Григоре: Ὀντως Γαληνὸς ὁ ὑλκὺς Νικηφόρος / σοφοῖς λογισμοῖς ἀσθενεῖς ἀναψύχων («Подлинно это Гален — сладкогла-

землетрясения — особенно в случае, когда происходит ее закупорка и сдавливание в малом пространстве, — и процессами в человеческом теле, в том числе патологическими: например, вызванными закупоркой пневмы судорогами и спазмами (τέτανοι καὶ σπασμοί).

²⁷ Pérez Martín 2015: 190 особо подчеркивает глубокие познания Григоры в древней истории и его сознательную ориентацию на античные историографические образцы, в частности на Кассия Диона. Об особенностях построения Дионом исторического нарратива, где допускается пренебрежение исторической достоверностью и фактами ради драматических эффектов и назидательности, в частности для создания определенного образа правителя, см. Махлаюк 2011: 412–425. Можно предположить, что отблеск этого влияния сказывается на том, что «История ромеев» Григоры не так активно исследуется методами интеллектуальной истории, как его произведения, относящиеся к научным жанрам.

сый Никифор, / мудрыми рассуждениями освеживший ослабших»)²⁸. Как отмечает Роберт Ханкинсон, перед Галеном стояла задача адаптировать Аристотелеву теорию четырех причин под медико-диагностические задачи, а именно понять, что является действующей причиной заболевания²⁹. Обратившись к понятийному словарю стоиков, а также к сочинениям таких врачей, как Эрасистрат Кеосский и Афиной Атталийский, Гален подразделил действующую причину на основополагающую (αἴτια συνεκτικά), подготавливающую (αἴτια προκαταρκτικά) и провоцирующую (αἴτια προηγουμένα). Основополагающая причина воздействует на тело извне, причем эффект от нее вызывается одновременно с воздействием и может быть более или менее интенсивным в зависимости от силы действия причины; в случае с приведшей к летальному исходу болезнью Андроника II ей, вероятно, соответствуют температурные воздействия извне (обусловленные затмениями Солнца и Луны), силу которых удостоверяют землетрясение, шквальные ветер и волны, разбившие восточные стены Константинополя. Подготавливающая причина указывает на предрасположенность тела к восприятию воздействия основополагающей причины; ей соответствует преклонный возраст императора («старый желудок») и вызванная диетологическими нарушениями общая разбалансировка гуморов, проявляющаяся в периодическом разгорячении тела. Провоцирующую причину следует отождествить с тем, что уже в теле человека непосредственно вызывает болезненный эффект: в данном случае всё указывает на обильное питье холодной воды (следует напомнить, что избыток влаги в организме Гален весьма часто описывает как фактор, способствующий заболеваниям). Таким образом, можно сказать, что смерть императора не была предопределена неким несчастливым гороскопом, но стала следствием взаимодействия

²⁸ Цит. по: Mercati 1970: 151.9–10. Хотя здесь Акиндин восхваляет Григору за энкомий миндальному дереву, в свете прославивших последнего занятий «λογισμοῖς» может отсылать к математико-астрономическим занятиям Григоры, ср. Pl. *Prt.* 318e, *Plt.* 510c.

²⁹ Hankinson 2003: 31–66.

природных причин (сводимых, так или иначе, к температурным воздействиям) и его свободной воли — то ли склонности к самолечению, то ли вредных с медицинской точки зрения пищевых привычек. Последнее вполне способствует формированию определенного образа этого правителя (не слишком уж блестящего: несколько сумасбродного³⁰, лишенного в старости разумных советников³¹) в рамках конструируемого Григорой историографического нарратива.

Другая популярная сфера применения прорицательной астрологии (несовместимой с христианским антропологическим представлением о свободе воле) — это предсказание политических событий. В исследованиях встречается позиция, что Григора однозначно отвергал лишь натальную астрологию, но в то же время допускал связь политических событий в Византийской империи со знаменьями, видимыми на небосводе³². В подтверждение этому можно привести эпизод из «Истории ромеев» (XI 3.1), где говорится о разорительном вторжении «скифов» во Фракию, на что указывали частичное лунное и солнечное затмения. Не претендуя на несомненную убедительность интерпретации, отметим, что в этом эпизоде варвары сравниваются с несущимся с гор бурным потоком (χεῖμαρρος), так что их 50-дневное пребывание во Фракии оказывается подобным наводнению. А это как раз такое природное явление, которое согласно перипатетической натурфилософии подвержено влиянию солнечных и лунных затмений³³. Это сравнение с наводнением несколько «смазывает»

³⁰ Между описанием затмений и дня смерти Андроника II помещен, казалось бы, малозначительный эпизод с некой поврежденной колонной перед храмом Сорока мучеников: император манкирует своей безопасностью и говорит «просто так попавшиеся на язык слова» (λόγον οὐτωςί πως ἐπλεθόντα τῇ γλώττῃ), которые оказываются пророческими.

³¹ В частности, предыдущий раздел IX-й книги кончается на том, что император был лишен возможности общаться с Феодором Метохитом.

³² См., например, Hohlweg 1996.

³³ См. аристотелевское объяснение наводнений в *Mete.* 1, 7.344b19–345a1; 2, 8.367a21–368b24.

вается» стоящим рядом сравнением сражающихся турок и «скифов» с грызущимися над телом псами, которое явно нацелено на чисто риторический эффект. Так что натурфилософские коннотации *χεῖράρρους* оказываются почти неразличимы. Однако здесь следует учесть, что сравнение с бурным потоком сходящихся в битве войск и хаотичного движения невооруженных масс было общим местом уже в античной литературе³⁴. И если обратиться, например, к такому востребованному в Византии историографу, как Полибий, то можно встретить у него *χεῖράρρους* как в буквальном (4.41.9, 4.70.7), так и в указанном выше метафорическом смысле (38.16.1–2 = Const. Porphy. *De virt. et vit.* 2.118 Roos). Таким образом, можно предположить, что при написании данного эпизода в «Истории ромеев» Григора произвел слияние литературного и натурфилософского горизонтов, соотнося расхожий троп с перипатетическим представлением о небесных природных причинах катастрофических явлений. В результате можно, конечно, говорить о «греческом высокомерии» — низведении орд варваров до природного явления, но прямого противоречия с христианской антропологией, рассматривающей, прежде всего, разумного человека, здесь всё же не просматривается.

Кроме того, из приведенных выше примеров не следует, что Григора согласен с Аристотелем и перипатетической традицией по всем натурфилософским вопросам и во всех произведениях. Широко известна его критика Стагирита в диалоге «Флорентий или о мудрости»: так, например, он отвергает его учение о том, что реки образуются водой, выпадающей из облаков, поскольку, по его мнению, оно противоречило утверждению Платона о том, что реки вытекают из центра земли³⁵. Можно предположить, что сама жанровая природа этого произведения располагала к тому, чтобы эрудиция и интеллектуальное превосходство

³⁴ См. обстоятельный обзор Старикова 2019. Вот далеко неполный перечень авторов, использовавших этот образ: *Nom. II.* 4.450–456, *Hdt.* 3.81; *Pl. Lg.* 5, 736ab; *Isoc.* 15.171–172; *Demosth.* 13.153.

³⁵ *Florentius sive De sapientia* 1252–1320 (ed. Leone 1975).

Григоры (вернее, его литературной персонификации Никагора) демонстрировалось бы с помощью обращения к платонической традиции³⁶.

Значительная роль философов-платоников в аргументации Григоры не раз становилась предметом исследований. Так, например, было показано, какое место в его антипаламитских сочинениях занимают учения Плотина, Порфирия и Прокла³⁷. Более того, Джон Димитракопулос полагает, что философию Григоры следует считать скептической формой христианского платонизма³⁸. В качестве обоснования он приводит послание Григоры к монаху Максиму Магистру, в котором говорится, что человечество после грехопадения не только не способно познать, что есть Бог и каковы его пути, но и простые природные процессы:

Если бы всё возникающее (τὰ γιγνόμενα) пребывало всегда одним и тем же в круге своего возникновения и уничтожения, то изменения были бы неизменны, движение неподвижно, а непостоянство (τὸ ἄστατον) постоянно. Однако сейчас, в этой жизни, всё смешалось, словно во мгле, которая мешает нам увидеть, что происходит. И мы, конечно же, и не ведаем, и никогда не узнаем точно, чем [по сущности] является всё возникающее (ἄττα ἐστὶν τὰ γιγνόμενα)³⁹.

Несмотря на философскую терминологию и параллели с античным скептицизмом на уровне аргументации (тяготение к парадоксам), общий контекст этого послания морально-богословский: утверждение об ограниченности возможностей человеческого познания равносильно призыву к христианскому смирению. Дж. Димитракопулос полагает, что выражение τὰ γιγνόμενα

³⁶ Например, предпочтение платоновского понимания логики и диалектики аристотелевскому, см. Mariev 2012.

³⁷ См., например, Вeyer 1971, Бирюков 2009: 162–173. Более того, Григора сам пытался обвинить Паламу в «еретическом» привнесении в христианское богословие учения Прокла, см. Demetracopoulos 2011: 277–278.

³⁸ Demetracopoulos 2015: 358–361.

³⁹ Ep. 60, 205.9–15.

непрерывно отсылает к платонической традиции, где с его помощью обозначается сфера чувственно воспринимаемых вещей. Однако такая атрибуция широко употребительного философского термина, скорее, отдаляет нас от понимания интенции послания, к которой следует подходить через призму жанра (так, например, данное моральное увещание в форме послания весьма отлично от полемического диалога «Флорентий»). Ведь в платонизме речь не идет о *принципиальных* ограничениях для человеческого познания, а указание на «непознаваемость» сферы чувственно воспринимаемых вещей имеет эленктическое значение, а именно указывает на необходимость восхождения к уровню ноэтического⁴⁰. Послание же Григоры к Максиму Магистру оканчивается тем, что он «вверяет» своего корреспондента «неисповедимым путям Провидения» (τοῖς τῆς Προνοίας ἀλορρήτοις παρατιθέμενος λόγοις)⁴¹. Григора пишет, что языческие философы «стремились наделить всемогуществом природу и самопроизвольность» (ἔς τε τὴν φύσιν καὶ τὸ αὐτόματον τὸ περιίστησι κράτος), то есть найти имманентный тварному миру принцип, доступный, к тому же, человеческому познанию⁴². Именно это притязание языческого «разума» — атеистическое по своей сути — на познание мира в целом и ограничивает византийский философ в данном послании через указание на роль Провидения. Однако из этого не следует невозможность достоверного познания природных причин отдельных явлений: движения светил, землетрясений, наводнений, а также болезней — которое различными способами демонстрируется в других его произведениях.

⁴⁰ Ср., например, у Платона знаменитое место про гигантомахию «людей земли» и «друзей идей»: *Sph.* 245e6–248e5.

⁴¹ *Ep.* 60, 205.16–17.

⁴² *Ep.* 60, 203.8–9.

Приложение:

Никифор Григора. Великому философу Иосифу⁴³

На юго-западном побережье Понта с древних времен расположен эллинский приморский город, называемый Синоп. Там родился Диоген — мудрец, принадлежавший к кинической школе (ἐξ⁴⁴ αἴρεσιν), который отличался как ученостью (σοφία), так и сообразительностью (ξύνεσιν). Он ничего не ставил выше истины, ни гордость пурпура, ни всемогущую силу оружия; он открыто высмеивал и обличал воспаленные язвы человеческого тщеславия. Одетый в лохмотья и овеванный славой, он путешествовал по Элладе, обличал и частных лиц, и правителей, не делая между ними различий, и преподавал им уроки мудрости: подобно врачу, который иссекает и прижигает язвы (τέμνων καὶ κάων)⁴⁵, он лечил раны, нанесенные пороком. Речения Диогена слишком многочисленны, как и его деяния, если бы кто пожелал поведать обо всех тех превосходных свидетельствах мудрости⁴⁶, что он явил. Я передам только одно, приличествующее случаю (τῇ χρείᾳ), и этого будет довольно. Ровно в полдень, взяв светильник, он стал обходить рыночную площадь, говоря всем, кто ему встре-

⁴³ Перевод выполнен по критическому изданию Leone 1982: 71–76 (*Ep.* 22). Предположительно послание было написано между 1326 и 1328 гг. в Константинополе. Некоторые чисто стилистические правки, сделанные рукой Григоры в одной из рукописей, издатель не вынес в аппарат, а графически оформил как часть публикуемого текста. Так, например, наиболее распространенное написание послания *Τῷ μεγάλῳ φιλοσόφῳ Ἰωσήφ* («Великому философу Иосифу») делит место в строке с *Τῷ φιλοσοφώτατῳ Ἰωσήφ* («Любомудрейшему Иосифу»). Там, где это уместно, в переводе использован очень подробный комментарий Пьетро Луиджи Леоне.

⁴⁴ В данном послании Григора старательно стилизует свой слог под «древних», что сохранено в издании Леоне (но нормализовано в издании Гийана). Чтобы по крайней мере отчасти передать эту черту оригинального текста, в переводе используются церковнославянизмы и устаревшие выражения.

⁴⁵ Леоне обращает внимание, что этот оборот встречается и у Платона (*Grg.* 480c, 521e), и у Ксенофонта (*An.* 5.8.18), что, вероятно, подчеркивают его значение (как *ipsissima verba* Сократа) для характеристики подлинного философа.

⁴⁶ Леоне отмечает использование данного оборота в риторике классического периода и у Платона *Lg.* 6, 788c.

чался, что ищет человека⁴⁷. Это могло бы показаться просто остроумным речением, но я полагаю, что он также хотел ославить великую глупость людей того времени помимо всего прочего потому, что они не относились к Диогену, равному многим мудрецам, как следовало бы.

В самом деле, сей муж, подвизавшийся в древние веки, сохранил свою славу незапятнанной по сию пору. Ты же, достигший в наше время равной славы, не рыщешь семо и овамо с фонарем в руках в поисках поклонников; их так много, что если бы ты даже, наоборот, закрыл глаза и вознамерился бросить камешек в толпу, то попал бы в того, кто тебя почитает. Насколько очевиднее твои достоинства (τὸ ἀγαθόν), чем его, настолько же мы лучше людей, среди которых он подвизался, умеем чтить Благо (τὰγαθόν) ради него самого (κατ' αὐτό). О если бы ты был рядом, чтобы и мы, насколько это только возможно, примешали и присоединили, подобно художникам, наше существо (τὰ ἡμέτερα) к наилучшему и, приняв тебя в качестве превосходно выполненного образца, начертали бы на душах наших образы чистой добродетели или же запечатлели бы оттиски, нетронутые (ἀβαφεῖς) никакими дурными обыкновениями. Но ты продлил свое изгнание и тем причинил нам величайший ущерб. Правда, ты мудро отогнал от себя призрачное тщеславие (τῦφον), и не осталось в тебе никакой материальной скверны на дне бездны⁴⁸ (да будет нам позволено привести здесь ко времени речение из Халдейских оракулов). О, если бы время пожелало быть справедливым, если бы подобно тому, как оно несет с собой и вкладывает в слух нам деяния древности, оно возвращалось бы вспять, вверх по течению, и вкладывало в уши древних мудрецов деяния дней сегодняшних, — твоя жизнь показалась бы им более восхитительной, чем их жизнь кажется нам. Однако в действительности оно низвергается с высоты, подобно мощному и стремительному потоку, и тащит за собой вместе с Гомером, Платоном и им подобными терситов,

⁴⁷ D.L. 6.41.

⁴⁸ *Orac. Chald.* fr. 158 Des Places: οὐδὲ τὸ τῆς ὕλης κρημνῶ σκύβαλον καταλείψει, ἀλλὰ καὶ εἰδῶλω μερῖς εἰς τόπον ἀμφιφάοντα.

маргитов и других людей того же сорта — первое же из сказанного оно решительно отказывается делать. В это время подражает тому, что делает Нил с землями Египта и те реки, что омывают Счастливую Аравию. Они, как говорят, несут с собой с верховий сорванные неведомо где душистые травы, а вместе с ними — белые раковины и даже ил со дна своих русел. И напротив, они совершенно отказываются течь обратно и делиться с жителями верхнего течения теми благами, которыми пользуются жители нижнего течения.

Но об этом достаточно. Есть одна важная вещь, которая побуждает меня написать сегодня твоему велемудрию (μεγαλόνοια): уже давно до нас дошел слух, что ты с подобающим искусством изучил труды Аристотеля и тех древних комментаторов, которые пролили свет на встречающуюся у него неясность (ἀσάφεια), и что ты пожелал сам добавить к ним нечто благороднейшее ради общей пользы. Я высоко оценил полезность такого начинания и вместе с этим высоко оценил нашу эпоху: если даже она, подобно жестокому палачу, перевернула всё вверх дном, то, с другой стороны, она же породила людей, которые посвятили свою жизнь общим интересам (δημοσίᾳ), как в молчании, так и в речах. Великое сие и высокодостоинное сокровище, древними мудрецами завещанное, собрано традицией (μνήμη) и наполняет собою века, о чем, среди прочего, Сократ говорит в Платоновом «Государстве» Главкону, когда рассказывает о людях, которые были наиболее полезны (ἀρίστων) для своих полисов «как в частном, так и в общественном обиходе» (ιδίᾳ τε καὶ δημοσίᾳ)⁴⁹, чтобы тот и свой устроил сообразно совершенству, взирая на совершенный образец. Мудрецы считали Ликурга, Солона и Харонда достойными похвалы, потому что те, как они полагали, оказали немалые услуги спартамцам, афинянам, сицилийцам — как государству, так и гражданам (κοινῇ καὶ κατ' ἄνδρα) — при жизни своими деяниями, а после смерти — законами, которые они издали. Гомер, величайший поэт эллинов, рисковал прослыть у них никчемным человеком — настолько никчемным, что сей благородный муж

⁴⁹ R. 10, 599de (пер. А.Н. Егунова).

был с позором изгнан ими из их совершенного полиса⁵⁰. Причина же в том, что нет ни одного полиса, ни одного народа (δῆμος), ни одного флота или сухопутного войска, которые получили бы от его стихов больше пользы, чем получают вязальщики снопов от песни цикады во время сбора урожая. То, что Гомер рассказывает — говорят эти мудрецы — устарело, баснословно, выражено с излишней эlegantностью; ничто не служит руководством в познании вещей, подверженных возникновению и уничтожению, а равно и тех, что движутся круговыми путями небес.

А ведь именно это позволяет развить человеческую науку (γνώσιν) до достаточной степени и проникает, так сказать, в самую сердцевину души (ἐς ψυχῆς εἰλεῖν μυελοῦς)⁵¹. Вот почему прославленный герой среди ученых, ученейший Великий Логофет⁵², святилище всяческой мудрости — будь то точное исследование небесных явлений или детальное изучение того, что происходит на земле, под землей, вокруг земли, — боялся, что его память будет похоронена вместе с ним в могиле, как это случилось бы с Сократом, если бы Платон и Ксенофонт из уважения к своему наставнику не возвели его, так сказать, на колесницу своего красноречия, дабы передать его знаменитое имя последующим поколениям. Метохит оставил немотствующих коснеть и пребывать в оцепенении, в то время как сам он, подобно эланодику⁵³, стоящему над всеми, открывал очи души для внешнего мира⁵⁴. Он

⁵⁰ Леоне указывает целую россыпь параллельных мест (пейоративных упоминаний Гомера) у Платона: *R.* 3, 386 sq., 398a; 10, 606 sq.

⁵¹ Ср. *Ев. Hipp.* 255.

⁵² Имеется в виду Феодор Метохит. Его имя в письме ни разу не упоминается, однако в данном переводе по стилистическим соображениям целесообразно несколько раз его использовать.

⁵³ Букв. значение: член коллегии судей на Олимпийских играх. Однако, как показывает Хенорфонтос 2015: 223–224, в словоупотреблении Григоры, которое он как раз и перенял у Метохита, этот образ в данном контексте отсылает, прежде всего, к идеалу всесторонне образованного человека, *homo universalis*. Однако упоминание «жизни, согласной с разумом» и заботы о будущем поколении вполне можно понимать и как проекцию того же «эрудитского» образа на сферу христианской морали (ср. *ibid.*: 226–227).

⁵⁴ Благодарю Ю.А. Шичалина за чрезвычайно ценные замечания, которые

обозрел поднебесную область, последовательно коснувшись всего, существующего от века, и сумел углядеть во всем творческие логосы⁵⁵, а также изучил всё, что вскармливается в области уничтожения и возникновения, а кроме того, постиг, что ведет к жизни, согласной с разумом, а что — нет. Так вот, он прошедшее, поскольку оно утекло, оставлял без внимания, но зато обнаруживал заботу, причем наивеличайшую, о том времени, которое наступит для ученых сочинений, чтобы к ним не было неправильного и ошибочного отношения. Поэтому он, восприняв как вызов своей мысли и своему красноречию иной раз движение небесных светил, а иной — логосы подлежащего возникновению и уничтожению, разъяснял их наилучшим образом и делал их очевидными, то есть как бы некой пищей, которая без труда усваивается всеми.

Для завершения его работы (πραγματεία) не хватает двух вещей: изучения «Логики» и «Метафизики» Аристотеля. Метохит оставил их в стороне, не знаю почему: то ли по умыслу и потому, что хочет дать кому-то другому возможность проявить себя и от-

он дал к фрагменту письма, начиная со слов об «очах души» и до конца абзаца (в частности о «творческих логосах»), а также за предложенные варианты перевода, гораздо точнее и изящнее исходных.

⁵⁵ δημιουργικοί λόγοι — термин неоплатонического происхождения, воспринятый впоследствии христианскими учеными и богословами, который означает исходные начала или принципы, актуально существующие в уме демиурга платоников или Творца христиан и ответственные за составление элементов сущего в известные нам явления. См., например, Phlp. Aet. M. 2.5, 3.6; из мыслителей более близких по времени к Григору см. разъяснения Пселла в *Opusc. psych.* 73.10–14: ἐὰν δὲ τὰ κυρίως καθόλου γένη καὶ τοὺς ποιητικοὺς τῶν καθέκαστα λόγους φυσικοὺς τε καὶ δημιουργικοὺς, πρόδηλον ὡς τὸ περιληπτικώτερον καὶ διατεῖνον ἐπὶ πλέον θεϊότερον ἐστὶν αἴτιον καὶ κυριώτερον. τὰ μὲν οὖν κατ' ἐπίνοιαν λεγόμενα γένη παρὰ τοῖς διαλεκτικοῖς εἰδωλικά εἰσι καὶ οὐ κυρίως ἀρχαὶ οὐδὲ αἴτια, οἱ δὲ φυσικοὶ λόγοι καὶ οἱ δημιουργικοὶ καὶ πρὸ πάντων αἱ τοῦ θεοῦ δυνάμεις κυρίως τῆν τῶν ἀρχῶν καὶ αἰτίων ἀποφέρονται καὶ ὀνομασίαν καὶ ἔννοιαν. Сам Григоря использовал этот термин, например, для комплементарного описания Георгия Лапифа в *Hist.* 25.11: «То, что [в астрономических трактатах] выходит за пределы, положенные законами благочестия, он отбросил и выплюнул как бесполезное для желающих жить благочестиво; а что здраво устремляется к творческому логосам сущих (δημιουργικούς τῶν ὄντων λόγους), то охотно принимал».

лично справиться с работой, то ли потому, что разные неприятности, которые сыплются на него одна за другой, отнимают у него всё свободное время⁵⁶. Этот человек всегда любил учиться, он создал огромное количество трудов, он за свою жизнь так много прочел и написал, что только диву даешься. Ныне же, когда он со всех сторон терзаем столь многими треволнениями, на смену удивлению приходит восхищение.

Поэтому прояви дальновидность своего ума до конца. Не забывай о том, что ты пообещал, как если бы это была лодка, привязанная к кораблю, не пренебрегай этим. Приложи всё свое усердие, помимо прочего, к тому, чтобы показать, что ученый Птолемей согласен с тем, что говорит Аристотель о блуждающих сферах (πλανωμένων σφαιρῶν). Сын Никомаха перечисляет неподвижные сущности и начала, а также множество сфер, число которых он доводит до пятидесяти пяти, и называет одни из них «сферами, которые имеют регулярное движение», другие «сферами, которые движутся в противоположных направлениях» — терминами, заимствованными им, как говорят, у Каллиппа и Евдокса⁵⁷. Оба они были астрономами и достигли зрелости прежде Аристотеля. Однако мудрый Птолемей передает нам, что этих сфер гораздо меньше, и теперь всем совершенно очевидно, что написанное сим ученым мужем абсолютно верно; также вероятно, что эти люди, достигшие столь великой учености, не говорят глупостей — ни сын Никомаха, ни те, у кого он заимствовал эти выражения⁵⁸. Этот вопрос требует глубокого ума (μεγαλοφουῶς διανοίας), чтобы показать, что кажущееся противоречивым на самом деле таковым не является.

Но поскольку ты сам подготовил свой великий ум (μεγαλόνοιν) и привлек его к этому делу — что должно особенно располо-

⁵⁶ Леоне полагает, что речь идет о «неприятностях», вызванных очередной усобицей между императором Андроником II и его племянником, начавшейся в мае 1326 г. В 1328 г. Константинополь был захвачен Андроником III, а дом и библиотека Метохита — разграблены.

⁵⁷ Arist. *Metaph.* 12, 8.1074a10–12.

⁵⁸ Ср. Phlp. *In Mete.* 14.1.110 sq. Hayduck.

жить нас к сей работе (τοῦργον), — да сделает Бог труд (λόνος) твой совершенным и беспорочным: тогда слава твоя, используя молву людскую как крепчайший сосуд, пройдет сквозь века совершенной и беспорочной⁵⁹.

Литература

- Бирюков, Д.С. (2009), “Тема причастности Богу в святоотеческой традиции и у Никифора Григоры”, in Id. (ред.), *Георгий Факрасис. Диспут свт. Григория Паламы с Григорией философом. Философские и богословские аспекты паламитских споров*. Святая гора Афон; М.: Никея.
- Махлаюк, А.В. (2011), “Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история»”, in Id. (ред.), *Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX*, 372–437. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История.
- Старикова, А.О. (2019), “Ὡς δ' ὅτε χεῖμαρροι ποταμοί... Рецепция гомеровского образа в историографии (Polyb. xxxviii 16.1–2)”, *Аристей* 19: 88–98.
- Acerbi, F. (2020), “Logistic, Arithmetic, Harmonic Theory, Geometry, Metrology, Optics and Mechanics”, in Stavros Lazaris (ed.), *A Companion to Byzantine Science*, 105–159. Brill.
- Beyer, Hans-Veit (1978), “Eine Chronologie der Lebensgeschichte des Nikephoros Gregoras”, *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 27: 127–155.
- Bezdechí, S., ed. (1924), “Nicephori Gregorae epistulae XC”, *Ephemeris Dacoromana: annuario della Scuola Romana di Roma* 2: 239–377.
- Bouché-Leclercq, A. (1899), *L'astrologie grecque*. Paris: Ernest Leroux.
- Bouras-Vallianatos, P. (2020), *Innovation in Byzantine Medicine. The Writings of John Zacharias Aktouarios (c. 1275–c. 1330)*. Oxford University Press.
- Bydén, B. (2003), *Theodore Metochites' Stoiicheiosis astronomike and the Study of Natural Philosophy and Mathematics in Early Palaiologan Byzantium*. Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis.
- Bydén, B. (2022), “Aristotle’s Light Analogy in the Greek Tradition”, in Ch.Th. Thörnqvist, J. Toivanen (eds.), *The Aristotelian Tradition*. Vol. 3: *Cognition and Conceptualization*, 34–77. Brill.

⁵⁹ Благодарю Д.С. Бирюкова, предоставившего копии страниц издания Лёне (изначально приходилось пользоваться изданием Гийана), а также П.В. Соколова за чрезвычайно продуктивные обсуждения ранних версий перевода.

- Caudano, A.-L. (2020), "Astronomy and Astrology", in Stavros Lazaris (ed.), *A Companion to Byzantine Science*, 202–230. Brill.
- Demetracopoulos, J. (2011), "Palamas transformed", in M. Hinterberger, C. Schabel (eds.), *Greeks, Latins and intellectual History 1204–1500*, 263–372. Leuven: Peeters.
- Demetracopoulos, J. (2015), "Christian Scepticism. The Reception of Xenophanes' B 34 in Heathen and Christian Antiquity and its Sequel in Byzantine Thought", in A. Frazier, P. Nold (eds.), *Essays in Renaissance Thought and Letters: In Honor of John Monfasani*, 243–445. Brill.
- Freudenthal, G. (2009), "The Astrologization of the Aristotelian Cosmos: Celestial Influences on the Sublunar World in Aristotle, Alexander of Aphrodisias, and Averroes", in A.C. Bowen, C. Wildberg (eds.), *New Perspectives on Aristotle's De caelo*, 239–281. Brill.
- Gielen, E. (2013), "Ad maiorem Dei gloriam: Joseph Rhakendytès' Synopsis of Byzantine Learning", in J. König, G. Woolf (eds.), *Encyclopaedism from Antiquity to the Renaissance*, 259–276. Cambridge University Press.
- Greco, V. (1946), "Das Geburtsjahr des byzantinischen Geschichtschreibers Nikephoros Gregoras", *Académie Roumaine, Bulletin de la Section historique* 27: 56–61.
- Guilland, Rodolphe, ed. (1927), *Correspondance de Nicéphore Grégoras*. Paris: Les Belles Lettres.
- Hankinson, R.J. (2003), "Causation in Galen", in J. Barnes, J. Jouanna (eds.), *Galien et la philosophie*, 31–72. Genève: Librairie Droz.
- Hohlweg, A. (1996), "Astronomie und Geschichtsbetrachtung bei Nikephoros Gregoras", in W. Seibt (ed.), *Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit*, 51–63. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Hübner, Wolfgang, ed. (1998), *Claudii Ptolemaei opera quae exstant omnia*. Vol. 3.1: ΑΠΟΤΕΛΕΣΜΑΤΙΚΑ. Stutgardiae; Lipsiae: in aed. B.G. Teubneri.
- Jarry, C. (2011), *L'astrolabe à Byzance: Traités sur l'astrolabe du VIème au XIVème siècle*. Diss. Paris 4, École doctorale Mondes anciens et médiévaux.
- Leone, P.L., ed. (1975), *Nicephorus Gregoras. Florentius sive De sapientia. Testo critico, introduzione, traduzione e commentario*. Università di Napoli.
- Leone, P.L. (1976), "Per l'edizione critica dell'epistolario di Niceforio Gregora", *Byzantion* 46.1: 13–47.
- Leone, P.L., ed. (1982), *Nicephori Gregorae Epistulae*. Vol. 2. Matino: Tipografia di Matino.
- Magdalino, P. (2002), "The Byzantine Reception of Classical Astrology", in C. Holmes, J. Waring (eds.), *Literacy, Education and Manuscript Transmission in Byzantium and Beyond*, 33–57. Brill.

- Manolova, D. (2014), *Discourse of Science and Philosophy in the Letters of Nikephoros Gregoras*. Ph.D. Diss. Budapest: Central European University.
- Manolova, D. (2017), "The Student Becomes the Teacher: Nikephoros Gregoras' Hortatory Letter Concerning Astronomy", in A.M. Cuomo, E. Trapp (eds.), *Toward a Historical Sociolinguistic Poetics of Medieval Greek*, 143–160. Turnhout: Brepols.
- Mariev, S. (2016), "Plotinus in the Phlorentios of Nikephoros Gregoras", in A. Berger et al. (eds.), *Koinotaton Doron. Das späte Byzanz zwischen Machtlosigkeit und kultureller Blüte (1204–1461)*, 101–108. Walter de Gruyter.
- Mercati, S.G. (1970), "Sulle poesie di Niceforo Gregora", in Id. (ed.), *Collectanea Byzantina*, 1.144–151. Bari: Edizioni Dedalo.
- Papathanassiou, M.K. (2020), "The Occult Sciences in Byzantium", in Stavros Lazaris (ed.), *A Companion to Byzantine Science*, 464–495. Brill.
- Paschos, E.; Simelidis Ch., eds. (2017), *Introduction to Astronomy by Theodore Metochites (Stoicheiosis Astronomike 1.5–30)*. World Scientific Publishing Co.
- Pérez Martín, I. (2015), "The Role of Maximos Planudes and Nikephoros Gregoras in the Transmission of Cassius Dio's *Roman History* and of John Xiphilinos' *Epitome*", *Medioevo Greco* 15: 175–193.
- Puig Montada, J., ed. (1992), *Epitome del libro sobre la generación y la corrupción*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas.
- Schopen, Ludwig, ed. (1829), *Nicephori Gregorae historiae Byzantinae*. Vol. 1. Bonnae: impensis Ed. Weberi.
- Ševčenko, I. (1962), *Études sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos*. Bruxelles: Byzanthion.
- Starikova, Arina (2019), "Ὡς δ' ὅτε χεῖμαρροι ποταμοὶ... Reception of the Homeric image in historiography (Polyb. xxxviii 16.1–2)", *Aristeas* 19: 88–98. (In Russian.)
- Telelis, I. (2020), "Meteorology and Physics in Byzantium", in Stavros Lazaris (ed.), *A Companion to Byzantine Science*, 177–201. Brill.
- Theodossiou, E.; Manimanis, V.; Dimitrijevič, M. (2006), "The Greatest Byzantine Astronomer Nicephoros Gregoras and Serbs", *Zbornik matice srpske za klasicne studije* 8: 149–169.
- Tihon, A. (2006), "Astrological Promenade in Byzantium in the Early Palaiologan Period", in P. Magdalino, M. Mavroudi (eds.), *The Occult Sciences in Byzantium*, 265–290. Genève: La Pomme d'or.
- Xenophontos, S. (2015), "The Cultural Dynamics of the Term *Hellanodikes* in Palaiologan Byzantium", *Byzantinische Zeitschrift* 108.1: 219–228.